

30 лет без (холодной) войны. Что дальше?

С падения Берлинской стены, которое ознаменовало окончание холодной войны, минуло ровно 30 лет. Срок немалый по любым меркам. Казалось бы, что все должно быть хорошо в мире без холодной войны. Но у всего мирового сообщества «на руках» оказался полномасштабный, системный кризис не только глобального управления, но и самого западного общества. Федор Лукьянов справедливо пишет о «глобальном импичменте». В чем же дело?

Запад и его состояние неизбежно оказались в центре проблемы. Как к этому ни относиться, именно Запад с его идейно-политическим багажом по окончании холодной войны стал системообразующим фактором в потерявшей свое равновесие глобальной системе координат. Дальнейшее развитие мыслилось западными элитами, прежде всего американской, как «автоматическое» расширение Запада на весь остальной мир. После распада Советского Союза начавшие было раздаваться голоса о необходимости комплексной переоценки качественно изменившейся ситуации потонули в триумфалистском хоре.

Кто-то готов упрекнуть чуть ли не Москву в этой геополитической катастрофе, полное значение которой все начинают понимать только сейчас, когда вслед за кризисом СССР пришла очередь кризиса Запада. И вновь в России видят некую немезиду. Вслед за Л.Н.Толстым можно процитировать Библию: «Мне отмщение и Аз воздам». Воздаст не Россия, а политика саморазрушения и самопоражения – термины, которые замелькали в анализе интеллектуально честной части западного экспертного сообщества в последние годы.

Конечно, есть вина советского руководства, которое в своем благодушии не имело не то чтобы связной, а попросту никакой дипломатической стратегии подведения договорно-институциональной черты под эпохой холодной войны. Понятно, что это надо было делать тогда,

когда у Москвы еще оставались рычаги воздействия на ситуацию, включая вывод войск из Восточной Европы, повторное объединение Германии и вопрос о ее членстве в НАТО в новой, неконкурентной геополитической среде, которая возникла в Евро-Атлантике и мире. Тогда бы и распад СССР не имел бы столь масштабных последствий для европейской и мировой политики. Но что было, то было.

В итоге, вся ответственность за последующее развитие событий легла на Запад. В качестве аналогии на ум приходит то, как завершилась Первая мировая война. Разговоры о «мире без победителей» прекратились с революцией в Германии, как если бы отпала проблема устойчивого послевоенного урегулирования, которое гарантировало бы от новой большой войны в Европе. Версальские соглашения стали рецептом создания условий, в том числе торгово-экономических, для развязывания Второй мировой. Об этом сразу же написал в своих «Экономических последствиях мира» член британской делегации в Версале Джон М. Кейнс.

Советскую Россию вообще не пригласили на Мирную конференцию. Поэтому Рапалло было логичным ответом Москвы и Берлина на эту эксклюзивную политику стран Антанты. И если сейчас кто-то пытается пугать европейцев «новым Рапалло» (понятно, что не при нынешнем коалиционном правительстве в Берлине), то это может свидетельствовать только о верности данного сравнения, о том, что вся западная политика после окончания холодной войны была фундаментально порочной. На уровне глобальном аналогичными последствиями заявляет о себе американская политика двойного сдерживания в отношении России и Китая.

Такая повторяемость дает основания для постановки вопроса о политической культуре Запада вообще. В частности, о том, что Версаль можно рассматривать как проявление пресловутой «политики идентичности», другим частным случаем которой стал нацизм. Веймаром вновь запугивают себя и других на фоне Трампа, Брексита и подъема того, что называют «популизмом», не вдаваясь в истоки этого, безусловно,

чреватого непредсказуемыми последствиями явления. Ответ западных элит предсказуем: западная солидарность, заклинания о том, что «НАТО – самый успешный в истории альянс», и т. д., то есть что статус-кво не имеет рациональной альтернативы.

Но о каком статус-кво можно говорить, когда тезис о тектонических сдвигах в мировом развитии стал общим местом любого политологического анализа? Какая «круговая оборона», когда каждый за себя? И дело не только в Трампе и не только в разрушении Вашингтоном ВТО и всей системы многосторонней торговли, а в необходимости через ресуверенизацию восстановить доверие электората к элитам, в полной мере восстановить демократическую подотчетность власти, которая должна перестать кивать на Брюссель или на императивы глобализации. Да, получается, что демократия не может быть наднациональной – она всегда суверенна. Иначе даже для западных стран встает вопрос о легитимности и о внешнем управлении, как это показал британский референдум 2016 года.

Инерция эйфории «однополярного момента» продолжает негативно сказываться в мировой политике, подрывая сложившийся, по своей сути, полицентричный послевоенный международный правопорядок с центральной ролью ООН и принципами ее Устава. Если администрация Дж.Буша-младшего прямо заявляла о том, что «единственной сверхдержаве» закон не писан, то теперь международное право отрицается завуалированно – посредством лозунга о некоем «либеральном миропорядке, основанном на правилах». Монополия на трактовку последних, понятно, принадлежит самопровозглашенным «либеральным демократиям».

События этого года, в частности, в Латинской Америке, которую можно рассматривать как одно из географических направлений расширения Европейской цивилизации, свидетельствуют о полномасштабном кризисе развития в современном мире. Лидируют страны Запада, но изношенность европейской бинарной идеологической системы координат усугубляется на периферии попытками с помощью санкций и других форм неприкрытого

давления не допустить успеха левых альтернатив в Венесуэле и Боливии, в то время как правые терпят крах под бременем собственной несостоятельности в Чили, Эквадоре и Аргентине. Хорошо уже то, что, как показывают события начала года, исключаются варианты прямой или косвенной военной интервенции, о чем говорит отставка Дж.Болтона. Хотя не менее опасны и гибридные методы вмешательства в чужие дела.

Странным образом в мире после окончания холодной войны возрождаются идеи ведения больших войн с применением обычных вооружений, прежде всего в Европе и Восточной Азии. Они заложены в Стратегии национальной безопасности и других документах стратегического планирования администрации Трампа. Этим объясняется лихорадочная активность НАТО с упором на наращивание военных расходов. Пресловутые 2% стали чуть ли не уставной заповедью, приверженность которой будет учитываться и в торгово-экономических отношениях между союзниками.

В целом, ситуация в мире видится как попытка симуляции прошедшей холодной войны. Кто-то пишет об «имитации» с элементами виртуализации и даже риторизации, когда Россию то включают в список противников, то исключают. Конечно, это лучше оригинала. Но все же нельзя недооценивать опасность инерционного развития Запада, элитам которого явно не хватает для полного комфорта «новой холодной войны», которая бы оправдала бездарную политику поддержания иллюзорного статус-кво любой ценой.

Почему бы не последовать позитивному историческому опыту? Далеко не случайно политики и исследователи – к примеру, президент В.В.Путин и глава нью-йоркского Совета по международным отношениям Р.Хаас – вспоминают о «концерте» европейских держав, созданном по инициативе России на Венском конгрессе 1815 года для поддержания мира на континенте. После того, как этот механизм был разрушен Крымской войной в середине XIX века, в Европе так и не было создано новой системы

коллективной безопасности. Теперь речь должна идти о «глобальном концерте», прообраз которого заложен в системе ООН. Выбор прост: или симулировать недавнее прошлое, или созидать общее будущее.